

ЧАСТЬ V УСИЛЕНИЕ НАТИСКА ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА ВЛАСТЬ

Глава 1
Министерство Столыпина.
Вторая и Третья Государственные думы
(9 июня 1906 г. – 11 сентября 1911 г.)

З а то шестилетие, в течение которого во главе правительства находился П.А. Столыпин, политика, им проводимая, испытала значительные метаморфозы. Становясь у кормила государственного корабля, Столыпин мечтал привлечь в свой кабинет видных представителей того перводумского большинства, с которым, при наличии Государственной думы, ему створтиться не удалось, а именно некоторых из главарей кадетской партии. Поездка этих главарей после роспуска Государственной думы в Выборг и выпуск ими там известного Выборгского воззвания¹, призывавшего население к неплатежу податей и налогов и к уклонению от исполнения воинской повинности, привели к тому, что всякий сговор с ними оказался недопустимым. Привлекать к власти людей, которые открыто призывали население к борьбе с существующим правительством, очевидно, не отвечало достоинству государственной власти. Пришлось взять вправо и обратиться к непосредственно стоящим вправо от кадет лидерам оппозиции, а именно к главарям весьма немногочисленной Партии демократических реформ², отличавшейся от кадет не только по программе отстаиваемых ею государственных преобразований, сколько по способу их осуществления: кадеты не отрицали революционного метода их осуществления и в соответствии с тем находились в тесном контакте с партиями социалистическими, которые должны были для них таскать каштаны из огня.

Члены Партии демократических реформ революционные методы начисто отрицали, с террором примириться не могли, а потому никакого дела с главарями партий, действующих из подполья, иметь не желали. Не чужды они были и мысли вступить в соглашение с правительством и даже войти в его состав при условии, если представители короны обяжутся осуществить наиболее важные пункты их программы. В соответствии с этим, призванные Столыпиным, мирнообновленцы гр. Гейден и Н.Н. Львов поначалу охотно пошли на переговоры с Столыпиным, тем более что один из них — Н.Н. Львов — саратовский землевладелец — был близок к Столыпину еще по Саратову, причем был даже ему обязан тем, что Столыпин его спас в Балашове, куда он лично с этой целью поехал, от ярости толпы, настроенной какими-то удивительными путями весьма право, чтобы не сказать черносотенно.

Однако начавшиеся весьма благополучно переговоры между Столыпиным и упомянутыми двумя мирнообновленцами весьма скоро осложнились. В курсе этих переговоров я не был и посему сказать про них ничего не могу. Знаю лишь, что Столыпин шел на значительные уступки. Вновь возникла кандидатура А.Ф. Кони на пост министра юстиции. Кроме двух министерских вакансий, получившихся от увольнения Ширинского и Стишинского, которые Столыпин предполагал заместить общественными деятелями в течение этих переговоров, Столыпин готов был еще предоставить общественности и пост государственного контролера. Был момент, когда соглашение с общественными деятелями Столыпиным считалось за окончательно состоявшееся — и внезапно все разрушилось: почему — не знаю. Произошло это, во всяком случае, со дня на день. Сужу об этом по следующему, сохранившемуся в моей памяти довольно мелкому обстоятельству. Однажды, приблизительно через неделю после назначения Столыпина, ко мне зашел П.Х. Шванебах и объяснил мне, что ему только что Столыпин сказал, что по состоявшему у него соглашению с некоторыми общественными деятелями он согласился на предоставление между прочим поста государственного секретаря Д.Н. Шипову (а может быть, гр. Гейдену — точно не помню) и что посему ему, Шванебаху, приходится покинуть этот пост. На другой день уезжал из Петербурга за границу И.Л. Горемыкин, и проводить его приехали многие министры, входившие в состав его кабинета, а среди них и Шванебах, подошедший ко мне, тоже бывшему на этих проводах, с сияющим лицом и со словами: «*Mort et ressuscité dans les 24 heures*³». Оказалось, что его вновь вызвал к себе Столыпин и сказал, что соглашение с общественными деятелями окончательно разрушилось и что ему, Шванебаху, нет надобности оставлять занимаемую должность.

Если мне неизвестны подробности переговоров Столыпина с упомянутыми общественными деятелями, то для меня совершенно ясна основная причина их неудачи. Заключалась она в том, что мысль о привлечении общественных деятелей возникла на почве смягчения впечатления в стране от распуска Государственной думы. В основе лежал все тот же страх, который побуждал Д.Ф. Трепова идти на соглашение с кадетами и противиться распуску народных представителей. Последствий распуска Государственной думы опасались, в сущности, все, но в то время, как Горемыкин и его единомышленники среди правительенного синклита почитали дальнейшее продолжение принявшей открыто революционный характер деятельности Государственной думы еще более опасным, нежели ее распуск, отдавая себе вполне отчет в том, что в конечном счете с Думой сговориться все равно нельзя, что ее все равно, рано ли, поздно ли, придется распустить, противники распуска предпочитали не задумываться о будущем и в страхе, закрыв глаза на будущее, отступали от непосредственной опасности. Опасение тяжелых последствий распуска Государственной думы ближайшее окружение Николая II сумело внушить и ему, и неисполнение Горемыкиным приказа об отмене принятого решения о распуске нижней палаты вызвало в первую минуту весьма определенное неудовольствие государя. К Горемыкину был прислан офицер фельдъегерского корпуса для точного выяснения времени вручения председателю Совета министров записки государя, отменяющей упомянутое решение. Одновременно предложено было принятие всех мер, способных примирить общественность с этим государственным актом. Среди них намечено было и привлечение общественных деятелей, на что государь согласился весьма неохотно.

Однако по мере того, как проходили день за днем и спокойствие в стране, уже уставшей от революционной смуты, ничем не нарушалось, правительство и сам государь убеждались, что никакой опасности стране не угрожает, что распуск Государственной думы не вызвал никаких волнений, что в правительстве вновь воскресла вера в возможность править, не считаясь вовсе ни с революционными, ни даже с реформационными требованиями различных слоев населения, самое желание включить в состав правительства outsider'ов⁴, не принадлежащих к бюрократическому, вполне подчиненному государственной власти слою, понемногу исчезало.

Изменение взгляда государя на состоявшийся распуск Государственной думы сказалось очень скоро. Выразилось оно, между прочим, в том, что Д.Ф. Трепов утратил всякое влияние на царя, а, наоборот, милостивое отношение к Горемыкину не только возобновилось, но даже усилилось. Горемыкин был вызван в Петергоф, где к нему вышла во время приема государем и императрица, и здесь ему была высказана горячая благодар-

ность за его службу. Привели к Горемыкину и малолетнего наследника, причем государыня просила Горемыкина благословить его.

Помогли изменению настроения при дворе в особенности сами лидеры Первой Государственной думы. Воззвание, выпущенное ими из Выборга, где они собирались после «разгона», как они выражались, Государственной думы, имевшее вполне определенную цель поставить правительство в безвыходное положение, не получило никакого отклика в стране, и это обстоятельство сразу обнаружило всю незначительность их влияния на те народные элементы, на которые мечтали опереться выборгские трибуны. Ведь недаром же при Дурново было сослано 48 тысяч агитаторов. Не проявили поначалу никакой деятельности и террористы, решившиеся прекратить на время думской сессии всякие террористические акты, а потому не имевшие возможность сразу вновь их возобновить, так как каждый такой акт требует довольно продолжительной предварительной подготовки.

При таких условиях в последнюю минуту придрались к каким-то дополнительным мелким условиям, которые предъявили общественные деятели для вступления в состав правительства, чтобы сразу прекратить с ними всякие разговоры.

Шаг назад был, однако, сделан не столько Столыпиным, сколько самим государем, вообще весьма неохотно соглашавшимся на всякие уступки общественности. Я хочу, однако, подчеркнуть, что руководствовался здесь государь не желанием сохранить в своих руках неограниченную власть (это желание было весьма резко выражено у императрицы, но отнюдь не у государя), а глубоким убеждением, что Россия не доросла до самоуправления, что передача в руки общественности государственной власти была бы губительна для страны. Нет сомнения, что с годами у государя вскоренилась привычка к неограниченному самовластию и что, тем не менее, по природе своей он не дорожил им. Та легкость, с которой он отрекся от престола в 1917 г., и весь его образ жизни и поведения после отречения это в полной мере свидетельствуют.

Государь очень скоро вернулся к прежнему образу мыслей, причем в это время, с упразднением влияния Д.Ф. Трепова, к тому же вскоре скоропостижно скончавшегося, при дворе усилилось влияние лиц относительно правого, чтобы не сказать, реакционного направления. Среди них были и лица, по умственному их развитию совершенно лишенные политического понимания и воспитания, как кн. М.С. Путятин, занимавший должность помощника гофмаршала двора, гр. Бенкendorфа. Человек этот, инспирируемый бывшим обер-прокурором Синода А.А. Шихматовым, неизменно стремившимся и умевшим создать себе связи среди царской челяди, сумел проникнуть в эту пору к государыне, и едва ли не он первый втянул ее в

участие в государственных делах, о чем ярко свидетельствуют ее опубликованные письма к государю⁵. Однако с наступлением смутного времени, когда царь и царица убедились, что не только положение страны, но и положение самой династии подвергается опасности, они естественно и неизбежно должны были задуматься над общеполитическими вопросами и искать людей, вполне верных, которые могли бы осветить истинное положение вещей. Такими верными людьми она, разумеется, почитала ближайшее окружение царской семьи. Вот в эту-то минуту подвернулся Путятин, с которым она и вела довольно продолжительные беседы. Именно с этого момента началось сначала малозаметное, нерешительное, слабое вторжение государыни в государственные дела, с годами, однако, все усиливавшееся и приведшее, как известно, в конечном результате к тому, что важнейшие государственные решения, равно как и выбор высших должностных лиц, всецело исходили и зависели от нее.

При таких условиях приходится поневоле остановиться на личности этой глубоко несчастной, но вместе с тем и роковой женщины. Мучительная кончина, а быть может, еще больше те непередаваемые нравственные страдания, которые она с несравненным достоинством перенесла в последние месяцы своей жизни, заставляют относиться к ее памяти с особою осторожностью. Однако, какова бы ни была ее кончина, сколь бы ни были велики ее душевные страдания, какие бы ни выразила она в это время христианские добродетели, все же ее роль в судьбах России от этого измениться не может, роль же эта была выдающаяся, скажу более — решающая.

Для того чтобы понять характер и весь умственный и нравственный облик Александры Феодоровны, необходимо обратиться к ее юношеским годам и к той обстановке, в которой она родилась и выросла. Обстановка же эта была двойственная: маленький, серенький, бывшийся в денежных затруднениях германский двор, сохранивший от прежней власти лишь одно — строжайший этикет и тем прочнее его державшийся, чем больше ускользала фактическая власть, с одной стороны, и пышный, тоже скованный этикетом, но врачающийся в необыкновенной роскоши и средневековых традициях, английский двор, с другой стороны, — вот та обстановка, в которой воспиталась молодая принцесса Гессенская Алиса. Чуждая, само собою разумеется, всякой политики, совершенно не разбиравшаяся в степени действительной власти, присущей тем коронованным лицам, жизнь которых она разделяла, от природы гордая, властная, принцесса Алиса с юности не признавала никого равным себе.

Если государь, как все слабовольные люди, мечтал лишь об одном — свести дарованные им народу права по возможности к нулю, то иначе смотрел на дело Столыпин. Он с места задался целью примирить обще-

ственность с властью, причем продолжал думать, что даже у наиболее злобных представителей общественности мотивом к оппозиции является возмущение некоторыми наиболее, по условиям времени, яркими пережитками прошлого. Он искренно был убежден, что достаточно государственной власти осуществить определенные реформы, отменить вызывающие наибольшее раздражение передовой общественности правила, доказать тем самым, что правительство вполне искренно желает считаться с общественным мнением, чтобы обезоружить оппозицию и завоевать общественные симпатии. В частности, он считал, что и в области земельного вопроса необходимо сделать довольно существенные уступки требованиям, провозглашенным распущенной Государственной думой.

Первые слова, сказанные им мне после своего назначения главою правительства, были: «Перед нами до собрания следующей Государственной думы 180 дней. Мы должны их использовать вовсю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени».

Эту фразу он повторял мне впоследствии неоднократно, и я уверен, что он ее говорил и всем членам своего кабинета и другим своим сотрудникам по Министерству внутренних дел.

Однако надо сказать, что главная цель, которую он преследовал, была не улучшение условий народной жизни, не усовершенствование порядка управления страной, а укрепление государственной власти, поднятие ее престижа и примирение с нею культурной общественности. Эту цель он стойко и последовательно преследовал за все время нахождения у власти и, несомненно, много в этом отношении достиг.

В соответствии с этим осуществляемые реформы интересовали его не столько сами по себе, а в отношении того влияния, которое они окажут на развитие страны, а преимущественно поскольку они будут приветствованы определенной частью общественности и тем самым могут содействовать подъему ореола власти, а следовательно, ее крепости и силы.

При этом он почти с места совершенно правильно разделил русские общественные круги на две резко различные части, а именно на те, которых никакими произведенными реформами не удовлетворишь, ибо цель их единственная и всепоглощающая — достигнуть власти, и те, которым дороги судьбы России, [которые] искренно болеют о разъедающих ее язвах и, следовательно, способны оценить усилия правительства, направленные к исцелению этих язв. К первым он причислял, в особенности после Выборгского воззвания, лидеров кадетизма, ко вторым — русские либе-

ральные общественные круги, кристаллизовавшиеся в политическом отношении в партии октябристов. Правда, вначале ему не чужда была надежда привлечь симпатии многих членов и в кадетских кругах, чем, между прочим, и была вызвана первая серьезная проведенная им мера, а именно передача Крестьянскому банку всех казенных и удельных и части кабинетских годных для обработки земель для продажи крестьянам. Мере этой Столыпин придавал исключительное значение, полагая, что она произведет благоприятное впечатление в крестьянской среде и вырвет у кадет один из боевых и прельщающих сельское население пунктов их программы. Я был обратного мнения. По существу, мера эта не имела значения, так как земли эти и без того почти целиком находились в крестьянском пользовании (они сдавались им на льготных условиях в аренду), а принятие ее могло лишь усилить надежды крестьян на получение всех частновладельческих земель: добились, мол, частичного исполнения кадетской программы, добьемся, следовательно, и полного ее осуществления.

Всего труднее Столыпину было получить согласие царской семьи на отчуждение удельных земель. Государь, справедливо признавая, что удельные земли составляют собственность всего русского императорского дома, не хотел решить этого вопроса единолично. По этому поводу Столыпин мне рассказывал, что он ездил специально с этой целью к великому князю Владимиру Александровичу и его супруге Марии Павловне, и сколь неохотно они выразили свое согласие. Меня Столыпин почитал, не без основания, столь враждебно настроенным против этой меры, что даже скрыл предпринимаемые по этому поводу шаги, пока они не привели к благоприятному (по его мнению) результату.

Вообще, на тему о принудительном отчуждении земли Столыпин со мною не беседовал, и я лишь случайно узнал, что намерения его шли в этом направлении значительно дальше. Узнал я об этом от гр. А.А. Бобринского, которому Столыпин, как раз в первое время своего премьерства, сказал: «А вам, граф, с частью ваших земель придется расстаться».

Понял я тогда, почему Столыпин так настойчиво возражал против моего выступления в Государственной думе по земельному вопросу, а в особенности почему он не хотел, чтобы я говорил от лица Министерства внутренних дел. Он, очевидно, вел уже в то время переговоры с некоторыми думскими лидерами, причем весьма вероятно, что он готов был принять и земельную реформу кадетской партии. Абсолютный невежда в экономических вопросах, Столыпин не понимал совершенно, что упразднение частного землевладения в России равносильно ее экономическому краху, при котором крестьянство пострадает едва ли не в первую голову.

Впрочем, повторяю, Столыпин мало заботился о тех конкретных последствиях, которые будут иметь проводимые им меры. Учитывал он по-